
В ПОТОКЕ КНИГ

П.С. Гуревич

ДИАГНОЗ ИСТОРИЧЕСКОГО КОСМОСА

Аннотация. Устарел ли Карл Манхейм? Сохраняют ли разработанные им социологические принципы свою эвристическую ценность? Отражает ли его концепция многообразие общественных изменений, их динамику? Законность этих вопросов обусловлена тем, что за последние десятилетия социологическое знание существенно обогатилось. Любая из затронутых немецким ученым областей, будь то социология познания или теория элит, во многом стала теперь принципиально иной. Вот почему, предлагая читателям сборник его трудов, правомерно поставить вопрос: в какой мере мы можем соотносить размышления классика западной социологии с нашей реальностью? Ведь он пишет именно о веке преобразований в целом, о динамичной социальной реконструкции в частности.

Ключевые слова: психология, философия, социология, диагноз, знание, история, коллективное действие, общество, планирование, инфляция, масса.

*Манхейм Карл. Избранное:
Диагноз нашего времени. М., 2010. 744 с.
(тираж 1000 экз.)*

Главный редактор и автор проекта «Книга света» неумолима Светлана Яковлевна Левит издает и переиздает труды классиков социологии. Приступая к рецензии, я просмотрел работы многих социальных мыслителей. Результат оказался мне неожиданным. Возникло впечатление, что нынешняя ситуация, которая сложилась в нашей стране, весьма уникальна. Ни Вебер, ни Манхейм не могли бы с ходу понять, как преобразились многие социальные институты, каким призрачным стал сам диалог власти и государства.

Рождается вопрос, требующий обсуждения: действительно ли классические тексты мыслителей неприменимы к нашей реальности?

Уже Фома Аквинский отмечал, что государство по отношению к своему народу по форме своего правления может быть несправедливым, и тогда у людей есть право восстать против деспотии власти. Это право дается, если власть выступает против законов Бога и элементарных нравственных принципов, превышает собственную компетенцию, прибегает к незаконным поборам. Но это, по существу, лишь истоки социально-философской рефлексии. Еще не вполне ясна формула: «что значит восстать?» Идет ли речь о бунте или о мирном побуждении власти к порядку?

Монтескье различает три формы правления: республику, монархию, деспотию. При монархическом

правлении, разъясняет он, власть осуществляет один человек, но посредством установленных неизменных законов. При деспотическом правлении все движется вне всяких законов и правил волею одного лица. При республиканском правлении власть находится в руках народа. Все это не ложится в строку, когда речь идет о нашей стране. У нас нет монархии, чудовищных поборов, демонстративного отступления от Божьих заветов. Однако десятки тысяч инженеров, ученых, врачей безмолвно уезжают из России. Это отступление или восстание против произвола власти?

Вебер толкует об эффективном управлении с помощью менеджеров, но наша страна изнывает от всеобщего дилетантства. Политические философы рассуждают о гражданском обществе как гаранте социального равновесия. Но у нас нет гражданского общества.

Парадокс, на мой взгляд, в том, что в нашей стране диалог власти и народа перестал быть эффективным, а во многом сошел на нет. Но зато он приобретает фантастические виртуальные формы. Призрачные формы этого диалога разрастаются, становятся все более изощренными, замысловатыми. И в то же время обычному гражданину некуда обратиться, чтобы решить пустяковый вопрос, связанный с его правами и интересами.

И тем не менее мы не можем сегодня понять сложные процессы социальной реальности без обращения к трудам классиков социологии. Они позволяют в наши дни продолжить размышления о судьбах современной интеллигенции и демократии. Усилия С.Я. Левит плодотворны и значимы.

К. Манхейм вошел в историю социологии как один из наиболее продуктивных мыслителей, изучавших социальную природу знания. Мышление в общественной жизни и политике рассматривалось им как инструмент коллективного действия. Поэтому он пытался соотнести различные духовные образования, циркулирующие в обществе, с социальными позициями тех, кто был носителем специфических типов мышления.

На развитие социологической концепции немецкого ученого оказали воздействие идеи Д. Лукача, Э. Ласка, Г. Риккерта, Э. Гуссерля, М. Вебера. М. Шелера. По мнению К. Манхейма, все продукты мышления порождаются процессом исторического развития. При этом специфические социокультурные изменения оказывают влияние не только на содержание духовной деятельности. Они определяют также конкретную форму, в которой пребывает интеллектуальный мир.

Возможно, моя точка зрения покажется субъективной: полагаю, что К. Манхейм действительно в определенной мере устарел, если рассматривать его общую установку относительно всепроникающего социологического знания. Немецкий исследователь исходит из убеждения, что общественные процессы, как бы сложны они не были, можно понять. Несмотря на то, что многие социальные феномены выглядят иррациональными, социолог может учесть противостоящие друг другу общественные факторы и направить историческую динамику в нужное русло. Всеобъемлющая вера в рационалистическое знание пронизывает все работы К. Манхейма.

Эта общая установка, если учесть ее просветительский пафос, представляется мне все-таки архаической. Чем полней высветляет социология механизм социальных нововведений, тем больше загадок обнаруживает исследователь. Все чаще закрадывается сомнение: можно ли вывести из логики общественно-исторического процесса некие стойкие закономерности? Есть ли вообще в нем своеобразная предустановленность, которая может быть раскрыта? Способна ли доктринальная мысль подчинить себе социальное развитие?

Попробуем изложить взгляды К. Манхейма на социологию как науку. От того, как понимается система социальных взглядов, присущая ей прогностическая функция, существенно зависит и общая задача исследователя. Позволительно ли вообще доверять социологической экспертизе? Не подвержена ли социология гордыне всепроникающего знания? Наконец, способна ли данная наука, вооруженная аналитическим аппаратом, распознать тайные пружины социальной динамики, раскрыть специфику общественной жизни во всех сферах, в том числе и в тех, которые принято классифицировать как иррациональные?

Социология, по мнению Манхейма, обладает по своему историческому происхождению самым светским подходом к проблемам человеческой жизни. Иначе говоря, она черпает свою силу из имманентного, то есть земного подхода к человеческим делам. Она не только отрицает божественное объяснение вещей, каковы они есть или должны быть. Она совсем не ссылается на абсолютные сверхчеловеческие сущности. Социолог проявил бы непоследовательность, если бы начал с признания, что определенные ценности находятся вне исторического социального процесса.

Такое понимание социологии вряд ли можно считать общепринятым. Лично мне в этом отношении гораздо ближе позиция Н.А. Бердяева, который, касаясь «теории общественности», то есть социологического знания, усматривал во многих социальных феноменах мерцание тайны, недоступной познанию... Именно отказ от трансцендентального подхода Н.А. Бердяев оценивал как оскотление общественного знания. Он отмечал, что господствующее сознание XIX века, которое мнило себя «передовым» и «прогрессивным», заменило теологию социологией. Социология стала евангелием передовых людей века. Социологическое мироощущение и мирознание затмило тайны Божьего мира, оторвало общество, по словам Н.А. Бердяева, от жизни космической.

Действительно, отвлеченный социологизм одинаково противоположен и конкретному космизму, и конкретному историзму. Это отвлеченное мироощущение порождено глубоким уединением человека, превращением его в атом. Но именно этот атомизм и пытается преодолеть К. Манхейм. Пафос его работы «Диагноз нашего времени» — в критике традиционных социологических воззрений, исходящих из идеи суверенности личности и ее едва ли не абсолютной автономности. Напротив, немецкий социолог пытается противопоставить этой персоналистской установке обновленную трактовку массы, группы.

Задача социолога, как ее формулирует Манхейм, состоит в том, чтобы выяснить, насколько разнообразие социальных феноменов, включая преобладающие ценности, зависит от меняющегося социального процесса. Социальному мыслителю кажется неразумным и методически непоследовательным исключить определенные явления из области социологического объяснения. Он не согласится с предположением о том, что некоторые феномены с самого начала следует оценивать как священные и поэтому закрытые для социологического подхода. Социолог видит свою задачу в радикальном исследовании действующих в истории социальных сил. Невозможно заранее с уверенностью сказать, что может быть охвачено эмпи-

рическим анализом, а что нет. Следовательно, лучше и не выставлять этот вопрос в качестве доказательства против социологии.

Следовательно, К. Манхейм вопреки, скажем, позиции Н.А. Бердяева, отдает предпочтение социологии, оттесняя социологию на второй план? В целом, данная характеристика его взглядов верна, он действительно исходит из приоритета социологии. Но вместе с тем в его концепции нет отвержения теологии как противовеса научного знания. Напротив, он уделяет огромное внимание проблеме сотрудничества между социологией и теологией. Более того, он отмечает, что такое соучастие стало возможным лишь в конце эры либерализма, когда крайний рационализм истощился и стала очевидна ограниченность различных типов рационального анализа человеческих отношений.

Как мыслил себе К. Манхейм социологическое исследование? Когда социолог доводит свой анализ до конечных результатов, он сам видит, где необходимо привлечь Другие способы постижения исторического космоса. Вот как формулируется у Манхейма эта проблема: может ли философия и теология обойтись без тех знаний, которые добываются социологическим анализом? Итак, очевидно, что К. Манхейм беспредельно доверяет социологической экспертизе, которую он предлагает дополнить для полноты картины чем-то иным, приводящим, то есть смежным по отношению к социологии.

Но как совместить эту позицию с тем фактом, что значительную часть работы К. Манхейма «Диагноз нашего времени» составляет все-таки анализ христианских взглядов? В книге подчеркивается, что современное общество, открыто для религии и исключительно от человеческих качеств зависит возникновение истинно религиозного опыта или практики псевдорелигиозных движений. Полное проникновение религии в жизнь общества возможно только в том случае, если, как показывает К. Манхейм, последователям христианской традиции удастся еще раз вернуться к сокровенным истокам религиозного опыта, осознав, что для возрождения человека и общества недостаточны ритуальная и институциональная формы религии.

Итак, немецкий социолог вовсе не отрицает тех трансцендентальных основ социального знания, из которых исходит теология; он даже видит перспективы объединения усилий теологии и социологии. Но вместе с тем неоднократно подчеркивает, что теология не способна уловить социальные нововведения. В какой степени теолог может разделять экспериментальный подход социолога к ценностям? — спрашивает Манхейм. Если придерживаться радикальной точки зрения: христианские ценности вечны и заранее установлены, — то

для такого сотрудничества мало шансов. Напротив, социологический подход не исключает эксперимента, он чутко воспринимает всякого рода новации в обществе и анализирует их.

Какова доля экспериментализма, который можно допустить в рамках религиозного мышления? Истины христианства, как показывает Манхейм, изложены в нескольких ясных утверждениях, имеющих вечную ценность. Здесь остается мало простора для социологического мышления. Но можно сделать некоторое принципиальное допущение для теологии. Если полагать, что основные христианские истины не изложены в форме жестких правил, а даны в конкретных парадигмах, лишь указывающих направление, где надо искать истину, то тогда остается простор для творческого вклада в каждую новую эпоху.

Такой подход к христианским ценностям, как мне кажется, составляет сильную сторону работы К. Манхейма. Ведь он подчеркивает, что архетипы христианских подходов сформулированы не в виде абстрактных заповедей, а раскрываются в притчах, повествующих о жизни и учении Христа. Притча же обращается к нам через конкретный образ, воплощающий в себе историческую и социальную обстановку происходящего. Христианин вынужден воплощать намерения Христа в разных жизненных ситуациях

Предпринятый Манхеймом социологический анализ христианской методологии интересен. Но немецкий исследователь принципиально далек от уже названной нами установки Н.А. Бердяева. Он полагает, что, открыв некоторые важнейшие стороны религиозного опыта, связанного с прикосновением к истокам бытия, теология оказалась малопродуктивной для последующего анализа общественной динамики, особенно в современном мире. Пока исторические изменения относительно просты, полагает Манхейм, достаточно здравого смысла для приспособления архетипов к новой ситуации. Но вот общество становится более сложным, разветвленным. Для того чтобы понять реальный смысл изменяющихся политических условий, теологии уже недостаточно.

Можно согласиться с Манхеймом в том, что теология не может предоставить в руки исследователя тончайшие инструменты для постижения реальности. Однако в богословии есть метафизическая глубина, мощь интуитивного прозрения. Эти ее особенности Манхейм игнорирует. Но способна ли социология осветить светом знания те противоречивые процессы, которые происходят в современном мире? Ведь немецкий социолог претендует на диагноз нашего времени, то есть на оценку глубочайших тенденций общественного развития.

Нет ли здесь злоупотребления социологическими абстракциями? Не возникает ли ощущение беспредельной правоты Н.А. Бердяева, который писал: «Применение абстрактных социологических категорий к конкретной исторической действительности умерщвляло ее (имеется в виду социология — П.Г.), вынимало из нее душу и делало невозможным живое, интуитивное созерцание исторического космоса Вашими социологическими отвлеченностями вы разлагали историческую действительность, как иерархическую ступень космического целого, и сводили ее на простейшие элементы, открываемые другими науками, предшествующими вашей социологии. Вы — упростили и смесители. Поэтому реальность ускользает от вас, не дается вам, поэтому в ваших руках остаются лишь отвлеченные ключья реальности, лишь осколки бытия»¹.

Как можно оценить диагноз Манхейма под углом зрения антисоциологической позиции Н.А. Бердяева, того сарказма, который выражен русским мыслителем? Не выглядит ли прогноз немецкого исследователя, который в целом отвергает сакральный взгляд на мир, архаичным? За пределами той социологической гордыни, которая назойливо предлагает читателю слово «специалист», К. Манхейм, как мне кажется, не устарел...

Напротив, он весьма актуален, потому что его рассуждения буквально врываются в наши сегодняшние дискуссии, напоминая о том, что невозможно толковать о социальном процессе, не зная основ социологического знания. Общественный организм действительно сложен, многомерен. Но мы вполне компетентно можем судить о том, как соотносятся его различные сферы, какие силы содействуют общественной динамике, что помогает расчистить русло для глубоких социальных преобразований.

По мнению К. Манхейма, самое существенное в преобразовании человека — это преображение его способности мыслить и извлекать свою волю. Нам, великовозрастным детям эпохи Просвещения, все еще нередко мнится, будто мышление представляет собой прозрачный процесс, в котором мысль развертывает свой потенциал, независимо от самого жизненного потока, ибо ее предназначение раскрывать мощь умственной рационализации. Мы знаем теперь, осмысливая опыт развития нашего общества, что абстрактная теория действительно может наложить отпечаток на ход исторического развития. И вместе с тем очевидно: в основании доктринальной схемы лежит все-таки нечто большее, нежели простое ментальное усилие. Она сама встроена в жесткий социальный каркас.

К. Манхейм полагал, что знание может анализироваться в трех основных направлениях, выступая как психологическая, логическая и онтологическая (метафизическая) данности. Теорию познания нельзя, следовательно, рассматривать как автономную науку, которая сама обеспечивает себя критериями истинности. Задача эпистемолога состоит в том, чтобы анализировать знание, соотносить его с социальными факторами, которые в свою очередь изучаются фундаментальными науками, репрезентированными психологией, логикой и онтологией.

В работе «Человек и общество в эпоху преобразования» Манхейм подчеркивает, что для науки наступил «час совести». Иначе говоря, она должна возвыситься над политическими страстями, обратиться к честному анализу современности. В качестве объекта изучения современность обладает перед прошлым несомненными достоинствами. История как реальность в значительной степени утрачена. Мы не можем возобновить ее в том смысле, чтобы начать ее отсчет заново. Говоря языком современной публицистики, история не имеет сослагательного наклонения. Что было, то было. Но восстановить многие компоненты прошлого уже невозможно.

Иначе выглядит ситуация, когда социолог обращается к современности. Здесь можно видеть механизм действия общественных сил в момент, когда открыта вся панорама общественной жизни. Но одно дело анализировать устойчивые функциональные связи в стабильной ситуации, где никаких радикальных сдвигов в обществе нет. И совсем иное, когда общество пришло в движение и в нем все преобразуется. Конечно, радикальные перемены все равно происходят в прежнем, относительно стабильном лоне. Даже в самые революционные периоды, подчеркивает Манхейм, изменения в обществе не носят характер радикально нового.

Постижение радикальный новообразований невозможно без уяснения того, что составляет стержень старой формы общества. То, что отвергнуто историей, постоянно напоминает о себе, возрождается, приспосабливается к новой ситуации. Следовательно, увлекаясь преобразованиями, нельзя обойти прошлое. Без этого невозможно проникнуть в характер событий и взаимодействие сил.

В работе «Диагноз нашего времени» К. Манхейм пытается свести счеты с целой исторической эпохой, которую он условно называет либеральной и связывает с идеологией либерализма. Суть уходящего времени состоит в том, что оно культивировало частнопредпринимательскую инициативу, отдавало предпочтение индивиду и утверждало стихийность в общественном

¹ Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Париж, 1975. С. 32.

развитии в силу именно индивидуалистической направленности сознания.

Эпоха предпринимательства позволила сделать огромный рывок по пути социального прогресса. Она развила производительные силы, раскрыла потенциал демократии. Но вместе с тем породила и разрушительные тенденции. Воля отдельных предпринимателей, как полагает Манхейм, не подчиненная общей схеме, общей устремленности, вызвала хаос, стихийность, произвол. Индивидуалистическое своеволие породило в конечном счете и тоталитарные режимы. Именно с этой позиции Манхейм анализирует в своей работе феномен нацизма.

Манхейм развертывает в исследовании новый контур общественного развития. Он связан с упразднением стихийности, с внедрением плановых начал в общественной жизнедеятельности. Немецкий социолог осмысливает реальность государственно-монополистического капитализма как новый этап в развитии западного общества. Он увлечен возможностями лепки общественных отношений на базе детального изучения социальных тенденций, учета их направленности. Социология выступает как инструмент, позволяющий приступить к возведению нового общественного здания.

В целом концепция Манхейма привлекательна тем, что она отражает позицию реформатора. Он предлагает менять общество мирными, ненасильственными средствами. Так понимается им значение новой социальной технологии. А вот и диагноз; современное общество переживает кризис. Ситуацию же можно охарактеризовать следующим образом: мы живем в период перехода от *laissez-faire* — к планируемому обществу. Но оно примет одну из двух возможных форм: либо это будет диктатура с правлением меньшинства, либо новая форма правления, которая, несмотря на сильную власть, станет демократической.

Манхейм возглашает: если этот диагноз окажется верным, то все мы будем в одной лодке — Германия, Россия, Италия, Великобритания, Франция и США. Все мы, по мнению немецкого социолога, движемся в одном и том же направлении, к своего рода планируемому обществу. Вопрос лишь в том, будет ли планирование хорошим или плохим, появится ли планирование на базе диктатуры или на базе демократического контроля.

За истекшие полвека в современном мире действительно произошли огромные изменения. Многие западные страны встали на путь целенаправленного внедрения общественных новаций. Значительно расширилась сфера государственного регулирования общественной жизни. Это и неудивительно, ведь диагноз Манхейма —

не пророчество, это обобщение реальных тенденций общественного развития, учет тех факторов, которые действительно определяют ход событий.

Под социальной технологией Манхейм понимал совокупность методов, которые оказывают влияние на поведение человека и служат в руках правительства сильным средством социального контроля. Но чем вызвана потребность в направляющей руке, в формовке общественных нововведений? По мнению немецкого социолога, это связано прежде всего с тем, что современное общество стало массовым. Многих западных исследователей в послевоенные годы интересовали новые формы связи между людьми и их группами.

Генетически эта линия западной социологии связана с философскими учениями XIX века об иррациональности массовых движений и массового сознания. Многие социальные процессы описываются в ней как результат коллективных настроений, реализации жесточайших влечений толпы. Западные социологи назвали массовым такое общество, в котором производство и потребление приобретают стандартизированный характер, политика определяется стихийными реакциями населения, а культура утрачивает уникальность и тиражируется для «всех».

Переход капитализма к стадии государственного регулирования привел к растущей концентрации власти в руках монополистической элиты. По мнению Манхейма, новое знание можно использовать либо для увеличения эффективности управления, либо его можно превратить в инструмент, играющий на эмоциях масс. Характер социальной технологии, как полагает Манхейм, для общества даже более важен, нежели его экономическая структура или социальная стратификация.

Что можем сказать по поводу этого прогноза мы, живущие в конце столетия? Западные страны за эти десятилетия пережили эйфорию по поводу возможностей социальной инженерии. Социальное знание было использовано для оптимальной наладки процессов, отлаживания всех сторон социального бытия. Но вместе с тем стало ясно, что никакое самое уточненное знание не постигает сложных сторон социального организма. Многие аспекты нашей жизни не поддаются регулированию. Более того, постоянно возникают эффекты бумеранга, приводящие к прямо противоположным следствиям, нежели те, на которые рассчитывали их инициаторы.

Возьмем хотя бы два примера, которые иллюстрируют непредсказуемость социальных мер, направленных на общественные преобразования. Во многих западных странах в 60-е и 70-е годы расширилась сфера социальной помощи безработным. Государство взяло

на себя функции устранителя общественных язв. Дело в том, что рост безработицы усиливает социальную напряженность. Гуманное планирование по рецептам Манхейма как раз и предполагало разумное перераспределение общественного дохода. Часть денег, собранных в виде налогов, расходовалась государством для выплаты пособий. Казалось бы, нагляднейшая иллюстрация эффективности социальной технологии.

Однако в реальности все оказалась намного сложнее. В западных странах постепенно складывалась социальная прослойка людей, которые вообще не хотели трудиться. Если можно выломиться из господствующей потогонной системы, сойти с дороги потребительской гонки, почему не воспользоваться этим шансом? В конечном счете такое планирование привело к снижению темпов общественного развития. В западных странах стала набирать силу так называемая неоконсервативная волна. Неоконсерваторы выступили против гипертрофированных форм социального управления. Они предлагали отвести государству, которому Манхейм пророчил роль верховной инстанции, функцию «ночного сторожа».

Еще один пример. В США в отдельных штатах был принят закон, согласно которому муж, оставляющий свою жену, обязан давать ей средства на жизнь. Это решение продиктовано стремлением социальных политиков каким-то образом приостановить процессы распада семьи, оздоровить нравы. Однако оставленные женщины повели себя непредсказуемо. Они охотно вступали в брак, соглашались на развод и получали финансовые компенсации. Закон, предполагающий облагораживание семейных отношений, привел к совсем иным следствиям.

Идеология неоконсерватизма, которая утвердилась сейчас в западных странах, отвергает политику государственного регулирования всех экономических отношений, воскрешает практику частнопредпринимательской инициативы, провозглашает идеалы индивидуализма. Диагноз Манхейма, если говорить по существу, оказался ошибочным. Социальная технология потерпела во многом фиаско.

Как это ни парадоксально, Манхейм более проныцателен в тех случаях, когда речь идет о «плохом» планировании, то есть о примерах бумерангового эффекта. Оценим по достоинству следующий абзац, который написан словно в назидание современным проектировщикам-финансистам в нашей стране: «Так, например, строгие меры по взиманию налогов могут быть эффективными с точки зрения получения от налогоплательщиков максимальной суммы в данный момент, однако они в то же время могут нанести удар по его платежеспособности и ослабить его способность

вообще платить налоги в будущем. Инфляция может способствовать не только изъятию сбережений у определенных слоев населения, но и навсегда уничтожить их стремление к сбережениям».

Выходит, попытка Манхейма исследовать кризис демократии и либерализма обернулась неудачей? Такой вывод был бы в целом, на наш взгляд, несправедливым. Социологический анализ немецкого исследователя не сводится к умозрительным выводам. В работе прослеживается определенная теоретическая логика, рассматриваются конкретные социальные факторы и общественные условия. Все это помогает осознать сложные процессы нашего времени, несмотря на тот факт, что в общем развитие современного мира не пошло по пути, намеченному Манхеймом.

Сохраняет свою эвристическую ценность тезис Манхейма о том, что большая эффективность тоталитарного государства (речь у немецкого исследователя идет не о способности тирании решать экономические или социальные проблемы, а об относительной стойкости режима) объясняется не столько его более эффективной и крикливой пропагандой, как это обычно считают, сколько пониманием того, что массовое общество не может управляться грубыми доморощенными методами, которые годились в эпоху ремесленников.

Не станем оспаривать и другое воззрение Манхейма, связанное со спецификой планирования. Этот термин немецкий социолог употребляет, разумеется, не как синоним тотального контроля со стороны социальной и индивидуальной жизни. Напротив, социальная технология призвана выполнить более скромные и, по мнению немецкого социолога, чрезвычайно важные задачи. Никто не может ожидать от человека, что он будет жить в обществе с неограниченным выбором. Ни человеческое тело, ни человеческое сознание не способно вынести бесконечного разнообразия.

Какой вывод вытекает из данной констатации? Надо помочь индивиду сделать выбор в хаосе разноречивых и непримиримых ценностей. Именно социолог может помочь обществу выполнить такую задачу — выработать сферу консенсуса. Манхейм предостерегает от двух крайностей, которые сложились в современном обществе. С одной стороны, полная дезинтеграция системы ценностей, каждый живет по собственным жизненным установкам. С другой — тотальная регламентация общественной жизни. Социальная технология ищет пути для освобождения истинного и непосредственного социального контроля от разрушительных последствий массового общества, ищет способы, которые могут выполнять функцию демократической саморегуляции на более высоком уровне осознания и целенаправленной организации.

Идея Манхейма о демократической саморегуляции общества, безусловно, сохраняет свою прогностическую силу. Для нашего общества на его нынешнем этапе развития этот идеал остается недостижимым. Выбирая между диктаторским и демократическим планированием, мы долгое время отдавали предпочтение первому. Но в то же время сама идея регулирования общественных процессов «сверху» не получила поддержки и на западе. Приветствуя процессы самонастройки внутри общества, многие западные мыслители скептически относятся к идее постоянного и целенаправленного «выпрямления» этого процесса за счет усилий государства.

По мнению Манхейма, интеграция общества таит в себе огромные созидательные творческие возможности. Достаточно сослаться на опыт второй мировой войны, когда возникла реальная потребность в объединении усилий людей и целых народов. Нам надо внимательно изучить действие этих интеграционных механизмов, — подчеркивает немецкий социолог, — ибо будущее общества зависит от того, сможем ли мы обрести приемы, которые позволят нам достичь согласия по вопросу об основных ценностях и методах социальных реформ.

Для читателей слово «планирование» сопряжено со сложным семантическим смыслом. Рассматривая план в качестве панацеи от всех бед, мы довели этот процесс до абсурда. С одной стороны, отчетливо проявилось стремление отладить, отрегулировать все стороны социального организма, вмешаться в любые сферы индивидуальной и коллективной жизни. С другой стороны, стало ясно, что планирование не способно охватить всей сложности и динамичности социальных процессов. Оно само по себе вносит в общественную жизнь еще большую неразбериху, хаос, ибо порождает непредвиденные эффекты.

Совершенно очевидно, что Манхейм не несет ответственности за такое осмысление понятия «планирование». Он специально подчеркивает: чем больше мы думаем о формах планирования, тем скорее приходим к выводу о том, что в наиважнейших сферах жизни надо намеренно воздержаться от вмешательства и оставить свободное поле для спонтанности, не искажая его ненужным управлением. Планирование, по мысли немецкого социолога, вовсе не обязательно означает координацию гусиных шагов. Но он же отчетливо сознает, что бюрократический и воинствующий дух тоталитарных государств исказил смысл планирования.

Сохраняют свою ценность, как нам кажется, рассуждения К. Манхейма о социальной справедливости. Он подчеркивает, что поскольку демократический

порядок основывается на демократическом согласии, этот принцип не только этический, но представляет собой одно из условий функционирования самой демократической системы. Вместе с тем автор уточняет: требование большей справедливости вовсе не обязательно подразумевает механическое понятие равенства. Это стремление, по его мнению, имеет неоспоримое преимущество: оно вполне осуществимо с помощью существующих средств реформирования общества и не нуждается в революционном вмешательстве, которое сразу же привело бы к диктатуре.

Но как обеспечить всеобщее согласие в обществе? Если своеволие индивидов порождает хаос, а контроль государства чреват авторитарностью, на что можно уповать? Манхейм развивает в своей работе теорию групп, рассматривая коллективные и так называемые первичные группы как основу для достижения более надежного компромисса. Однако, как уже отмечалось, групповое сознание нередко описывалось в западной социологии в терминах коллективной психопатологии. Практика нацизма с его апелляцией к толпе еще более содействовала укреплению такой позиции.

Манхейм решительно порывает с этой традицией. Он критически оценивает исследования психологии толпы. По его мнению, человек и в толпе может сохранить свою суверенность, не поддаваясь стадным инстинктам. Коллективы вовсе не обладают только разрушительным потенциалом. Манхейм в этом опирается на опыты и исследования первых десятилетий XX столетия, когда социологи анализировали психологические механизмы поведения людей в небольших (чаще всего производственных) коллективах.

Проводя различные исследования в области промышленной социологии, жизни современного города, социологического изучения армии, экспериментаторы зачастую неожиданно для себя и даже вопреки собственным гипотезам — стали обнаруживать все новые и новые факты значительного влияния формальных и неформальных групповых отношений на усвоение единых для данной общественной системы норм и ценностей, — влияния, о котором при первом подходе (в начале века) они знали очень немного.

Тем самым как будто бы начала находить подтверждение мысль о том, что в социальной практике нужно опираться не на сознание индивида, а на сознание группы, ибо именно оно практически значимо, обуславливает единственно эффективный способ воздействия на людей. Мы видим, что анализ в целом двигался от изучения отдельного индивида, взятого в его единичных контактах с другими людьми, к изучению малой группы и далее — к рассмотрению более широких социальных общностей.

Манхейм придает понятию «группа» положительный смысл. Он отмечает, что если новая система начинается с разрушения старых руководящих групп общества, то она разрушает также все традиционные ценности европейской культуры. Лишь совместно люди могут вдохнуть новую жизнь в те элементы традиционной культуры, которые представляют ценность и могут развиваться путем творческой эволюции. Если мы хотим сохранить великие традиции западной цивилизации, то мы должны энергично защищать те права индивида, от которых зависит истинная свобода.

По мнению Манхейма, прогрессивные группы в обществе тем охотнее выступают и будут выступать за реформы, чем явственнее станет угроза тоталитаризма. В либеральной концепции элитизма масса характеризуется с умеренных позиций. Предполагается, что элита способна повести ее за собой. Поэтому широкие слои населения выступают в роли опекаемых, готовых последовать за четко обозначенными провозвестиями избранных. В соответствии с этим формируются и способы достижения идеала: они, как правило, представляют собой социал-реформистские программы.

Предлагая изучать принципы, лежащие в основе общественного развития, Манхейм склонен видеть большое общество разделенным на малые группы, в которых собственно и вырабатываются условия консенсуса. Именно группы, как полагает автор, помогают привести господствующие нормы в соответствие с изменяющимися историческими и социальными сдвигами. Этот вывод немецкий социолог оценивает как общесоциологический закон. Он подчеркивает, что сократовское размышление в своей первоначальной форме было первым симптомом демократических изменений в обществе. Группа интеллектуалов пыталась создать науку, которая должна была подвергнуть критическому рассмотрению старые моральные нормы, а также мифические представления. Мыслители пытались разработать рациональные нормы, которые соответствовали бы городскому обществу и гармонизировали бы с новым образом мысли.

По мнению Манхейма, данная этическая система представляла собой рациональный путь восстановления этических норм в малых группах, которые растворились вместе с обычаями. Осмысливая этот опыт прошлого, автор высказывает предположение, что единственный путь помешать диктаторам — это создать в нашей среде объединение различных социальных групп. Индивид теряется в невидимом обществе, так как он не придумывает новые нормы. Это удел социальных общностей. В результате ослабления групповых уз возникает моральный хаос, в

котором религиозные нормы, семейные традиции и мораль добрососедства теряют почву. Здесь Манхейм обозначает проблему, которая, как он полагает, была осознана в греческой трагедии, где был разработан метод группового катарсиса. Вопреки стойкой социологической традиции автор предлагает отказаться от предубеждения, что групповое взаимодействие может порождать лишь массовый психоз, что группы и массы обречены быть поживой идеологий.

Теперь на исходе XX столетия мы можем поразмыслить: насколько оправдана вера Манхейма в очистительный групповой катарсис. Действительно ли именно группы могут приостановить разрушительные процессы в обществе? Правомерен ли призыв немецкого социолога; демократия должна научиться использовать силы группового взаимодействия в позитивном русле?

В целом можно отметить лишь неоправданную идеализацию группы и массы в работе Манхейма. Нет сомнений в том, что группа действительно способна быть мощным средством социализации, утверждения норм, выработки новых типов поведения. Конечно, и сегодня крайне важно как можно больше узнать о характере коллективных норм и коллективных потребностей, об их социальном и психологическом происхождении, их функциях в прошлом и в современном обществе. Тоталитарные режимы, в частности, сталинизм, стремятся разорвать естественные групповые связи людей, семейные, родственные, профессиональные и иные узы. Основой тоталитаризма служит атомизированный индивид, выломившийся из прочной сетки межлических отношений. С этой точки зрения укрепление группы действительно выступает как важная социологическая и демократическая проблема.

Но нельзя отвлекаться и от того факта, что внутри группы рождается стойкий конформизм, а иногда и фанатизм. Мы знаем сегодня, что многочисленные попытки найти в группе новую модель социальных связей часто оборачиваются неудачей. Малые образования фатальным образом копируют те модели поведения, которые складываются в большом обществе. В группах нередко проявляет себя то разрушительное, дионисическое начало, которое критически оценивает Н.А. Бердяев в работе «Философия неравенства». Абстрактное противопоставление индивида и группы, на котором настаивает Манхейм, приводит подчас к дискредитации индивидуальных реакций как заведомо лишенных смысла.

Н.А. Бердяев считал, что в исторической действительности нельзя видеть лишь свершение судеб индивидуального человека — атома и масс, механически соединяющих эти индивидуальные атомы, произвольных человеческих коллективов. Общества — реальные орга-

низмы. Обращаясь к своим оппонентам по социальной философии, Н.А. Бердяев писал: «Для вас существуют только атомы и массы»². По мнению русского философа, в истории нужно видеть свершение судеб наций, человечества, мира как реальностей, как конкретных общностей.

Критикуя либеральный подход к социальным проблемам, Манхейм отмечает, что эта идеология всегда исходила из отрыва индивида от социального окружения. Звеном, которое могло бы связать изолированного человека с общественным контекстом, у Манхейма оказывается группа. К сожалению, работа, претендующая на диагноз нашего времени, на оценку широких социальных и ценностных сдвигов, оставляет без внимания судьбы нации, народов, жизнь всего человеческого рода.

Как уже отмечалось, Манхейм уповает в основном на группы. Это, конечно, обуживает социальную матрицу современной жизни. Более того, в истолковании групп автор усматривает широкую мировоззренческую традицию. Он отмечает, что уже эпоха Просвещения знаменовала собой не только новое направление идей, но и серию попыток нового вида группового анализа. Прежде чем согласиться с расхожим убеждением, будто массы способны лишь к иррациональным поступкам, Манхейм предлагает провести тщательный анализ конкретных случаев из истории и современности, свидетельствующих о том, как умелое разрешение проблем привело к просвещению и групповому катарсису.

Проследуем за Манхеймом и увидим, что ничего конкретного за этой констатацией нет. Он отвергает диагноз «восстания масс», проделанный Ортегой-и-Гассетом. Немецкий исследователь полагает, что у многих западных мыслителей не проводится сознательное различие между конкретными формами групповой интеграции. Далеко не всякое скопление людей, по словам Манхейма, образует толпу или массу. Но где же те группы, в которых отмечена внутренняя согласованность, где те социальные общности, что повышают духовный уровень своих членов? Никаких конкретных ссылок у Манхейма нет. Да и нам, обретшим сложный и противоречивый опыт политической практики, трудно подкрепить чем-то реальным общие социологические выкладки автора.

Гораздо убедительнее Манхейм в анализе групповой стратегии нацизма. Нам понятно, что тоталитарный режим, разрывая традиционные социальные связи, в то же время насаждал новые социальные группы, объединенные единством целей. Мы видим, что группы

оказывают сильное влияние на человека. Каждая группа сохраняет свою целостность, она поддерживает своих членов и руководит их поведением.

Напомним, иллюстрируя эту мысль автора, хотя бы следующее. Во время второй мировой войны пропаганда союзников была весьма неэффективной. Она наталкивалась на групповые барьеры, за пределами которых многое оценивалось именно через групповые стандарты. Немецкие летчики, сбитые над Лондоном, отказывались верить, что их ведут по улицам этого города. Ведь согласно групповым представлениям, этот город разрушен. Пленные больше верили собственным предвзвешенным, сложившимся в группе, нежели реальности. Зато в конце войны, когда групповые узы стали разрушаться, повысилась и эффективность союзнической пропаганды.

Пока люди находятся под влиянием своей группы, они невосприимчивы к постороннему влиянию. Манхейм подчеркивал, что механизм гитлеровской стратегии состоял в том, чтобы сломить сопротивление индивидуального сознания путем дезорганизации групп, к которым эти индивиды принадлежат. Человек без группы подобен крабу без панциря. Гитлер стремился разрушить традиционные группы и как можно быстрее создать собственные.

Манхейм выступил как социальный критик тоталитаризма. Но возможно ли изболечение деспотии без анализа феномена идеологии. В западной философской и социологической литературе нет, пожалуй, другого произведения, кроме публикуемого труда Манхейма «Идеология и утопия», в котором столь развернуто был бы проанализирован феномен идеологии. Развивая исследовательские традиции, заложенные К. Марксом и Э. Дюркгеймом, немецкий социолог описал различные типы мышления, выявил их социальную обусловленность, показал психологические корни коллективных мифов, раскрыл эмоциональные и жизненные импульсы, объясняющие приверженность к фальсифицированному сознанию.

Для современного читателя работа К. Манхейма «Идеология и утопия» представляет особый интерес. Наше общество пережило длительный период нарастающей идеологизации. Тоталитарный строй поддерживался всепроникающей индоктринизацией масс. Вместе с тем в общественной практике складывалось крайне упрощенное представление о возможностях воздействия на умы людей. Предполагалось, что достаточно обратиться к человеку с набором логических доводов, чтобы превратить его в своего единомышленника. Если же этого не происходило, то рождалось подозрение, будто те, что не в состоянии воспринять очевидные и непогрешимые истины, имеют некий

² Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Париж, 1975. С. 33.

изъян в собственном сознании. Критический настрой мысли, присущий творческому человеку, потребность вступить в дискуссию оценивались как проявление инакомыслия. Податливое, конформистское сознание, напротив, идеализировалось. Производство социальных мифов было поставлено на поток...

В такой системе представлений и в самой социальной практике игнорировались феномены сознания, его многомерность, сложность. Не принималось в расчет и то обстоятельство, что мышление человека, по существу, вырастает из всей психологической структуры личности. Человек действует эффективно только тогда, когда каждый шаг его действия апробирован личным разумом, освящен его чувствами, вызван к жизни его персональной волей. Для сведения всех этих «лучей» в одну целеустремленную точку человеку и необходима некая целостность — мировоззрение. Личность, как выясняется, не может действовать, если в ее сознании не выстроилась относительно целостная картина мира.

Человек стремится обладать осмысленной картиной происходящего. Он пытается рационально и эмоционально воссоединить элементы своего социального и индивидуального опыта, ищет ответы на вопросы бытия, потому что в них оправдание и его собственной жизни. Там, где утрачивается творческая потребность к осмыслению бытия, где никнут запросы духа, критического поиска, действительно вступает в свои права пассивное существование, апатия. Стремление к целостной, неразъемной картине мира, вероятно, глубинная, трудно насыщаемая потребность человека.

Но на пути к познанию истины человек встречается с множеством помех, имеющих отношение к самой работе сознания. Потребность в философском осмыслении «человеческой природы», различных «отклонений ума», массовых заблуждений и предрассудков выявилась давно, еще в античности, начиная с Платона. Способно ли сознание отражать истинное положение вещей? Можно ли преодолеть заблуждения? Что мешает разуму в познании мира?

Широкая картина внутренних коллизий сознания, нарисованная европейскими философами от Платона до Бэкона, от Кондильяка до Маркса, затрагивает сложный комплекс познавательных, социологических и психологических проблем сознания и общения людей. Философы пытались раскрыть трудности взаимопонимания, особенности сознания, понять истоки склонностей людей следовать ложным схемам.

Европейские философы уделили немало внимания поставленной Бэконом проблеме «идолов сознания», как английский мыслитель называл предрассудки, мешающие правильному пониманию вещей и событий.

Вслед за ним многие исследователи были убеждены в том, что процесс познания можно совершенствовать, раскрывая происхождение и влияние ложных представлений. Они обратили внимание на психологические причины коллективного ослепления. В частности, отмечалась склонность людей некритически воспринимать мнения, получившие широкое распространение, что и порождает всякого рода стереотипы. Вот почему в массовом сознании интенсивная аналитическая работа нередко соседствует с преднамеренным упрощением картины мира, с тягой к облегченному стандарту.

Мыслители XVII-XVIII вв. понимали духовные процессы как очищение сознания от предрассудков, надеясь с помощью просвещения окончательно преодолеть массовые заблуждения. Однако на практике они сталкивались не с исчезновением духовных традиций, а со стойкостью «идолов сознания», с ростом политических предрассудков.

Исследователи, обращающиеся к социологическому наследию К. Мангейма, отмечают обычно схожесть его взглядов с тем, что писал об идеологии К. Маркс. Такая связь действительно может быть прослежена. Тем более, что сам немецкий социолог называл Маркса в числе основателей социологии знания. Однако вопреки расхожему мнению важно подчеркнуть, что Мангейм отнюдь не искажил и тем более не вульгаризировал Марксову концепцию «ложного сознания». Напротив, он пошел значительно дальше в раскрытии корней идеологии, ее первоначал.

Выражение «научная идеология», на наш взгляд, из разряда тех лукавых специфических образований, которые проникают в нашу лексику. Для понимания концепции Мангейма важно сразу разграничить классический миф и социальную мифологию наших дней. Миф как самостоятельная форма сознания возник в глубокой древности, еще до появления религии. Это выдающееся достояние человеческой культуры, ценнейший тип человеческого бытия. Он одухотворен идеей всеохватности, универсальности, цельности мира.

В последние столетия, как отмечает и Мангейм, происходит своеобразная политизация мифа. Он как бы утрачивает онтологическое бытийное содержание, присущее классическому мифу. На первый план выдвигается его функциональный смысл, то есть способность сплачивать людей, развязывать политическую энергию. Социальный миф — это стойкое, духовное образование, которое в наглядной упрощенной форме выявляет волю и интуицию людей, аккумулирует их психическую энергию и воплощает ее в конкретных образах.

Ущербность идеологии, по мнению Мангейма, в том, что она всегда связана с сектантским, партику-

ляристским сознанием. На характер мифотворчества влияют ценности, коллективное бессознательное и волевые импульсы. Многообразие форм мышления, как считает немецкий социолог, не может служить помехой или вообще стать проблемой в такие исторические периоды, когда социальная стабильность становится основой и гарантией внутреннего единства мировоззрения.

Всем строем своего анализа Манхейм как бы откликается на многие проблемы, которые волнуют сегодня наше общество. Мы никогда не вырвемся из оков идеологических постулатов, идеологических сетей,

если будем решать свои проблемы в доктринерском доминионе мысли. Не может все богатство и многообразие совокупного духовного опыта вылиться в нечто одномерное, ибо само по себе это исключает идею многообразия.

Сегодня мы находимся в ситуации, когда потребность в универсальном, всечеловеческом взгляде на жизненные процессы должна доминировать. В целом ход рассуждений Манхейма, его общие теоретические послышки, прогностический пафос не утратили своего значения. Напротив, они побуждают к более основательному диагнозу современной эпохи.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Париж, 1975.
2. Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени. М., 2010. 744 с.

References (transliteration):

1. Berdyaev N.A. Filosofiya neravenstva. Pis'ma k nedrugam po sotsial'noy filosofii. Parizh, 1975.
2. Mankheym K. Izbrannoe: Diagnost nashego vremeni. M., 2010. 744 s.